

**«БОБЫЛЬ И ДРУЖОК» И «ПЕСНЬ О СОБАКЕ»
СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА: ДВЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ
ОДНОГО АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА**

© 2025

А.С. Загнетин, С.Н. Пяткин

Загнетин Алексей Сергеевич (2025), ORCID: 0009-0008-8159-2007, студент историко-филологического факультета Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36), zagnetina2012@yandex.ru;

Пяткин Сергей Николаевич (2025), SPIN-код: 5998-1970, ORCID: 0000-0002-8659-7543, доктор филологических наук, профессор Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, 36), nikolas_pyat@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 24.04.2025

Статья принята к публикации: 20.06.2025

В центре внимания настоящей статьи находятся разножанровые произведения С.А. Есенина: стихотворение «Песнь о собаке» и рассказ «Бобыль и Дружок», рассматриваемые в качестве двух художественных версий одного авторского замысла. Такая постановка проблемы обуславливает научную новизну предлагаемого исследования. Показывается, что этот замысел сначала был реализован в прозаическом тексте, адекватном в своем идейно-эстетическом решении (фольклорно-сказочная традиция, пасхальный хронотоп) миросозерцательным основам первой книги поэта «Радуница» (1916). Содержание «Песни о собаке», пронизанное евангельскими реминисценциями и аллюзиями, конституирует религиозно-мистический контекст стихотворения, что станет узнаваемой чертой поэтики «необиблейского» эпоса Есенина – одиннадцати маленьких поэм, написанных в 1917–1919 годах. Подчеркивается, что хронотоп лирического текста связан с образно-мотивными доминантами, характерными для рождественского сюжета, эксплицированного в произведениях, которые в основном создаются поэтом после выхода в свет книги «Радуница». Утверждается, что типологические сходжения текстов стихотворения и рассказа в персонажной, мотивной и сюжетной сферах свидетельствуют об исходной общности их творческого замысла, относящегося к 1915 году, когда и был начат и окончен «Бобыль и Дружок». «Песнь о собаке», задуманная в то же время, завершена Есениным не ранее 1917 года.

Ключевые слова: «Песнь о собаке», «Бобыль и Дружок», «Радуница», «Песнь о хлебе», пасхальный хронотоп, рождественский сюжет, жанр сказки, атрибуция.

Обращение к одному и тому же сюжету и его неоднократное воплощение в творчестве того или иного писателя – событие в литературе нередкое. Стоит вспомнить, например, что В.А. Жуковский трижды обращался к мотивной структуре бюргеровской «Леноры», всякий раз ставя перед собою разные творческие задачи, лишь косвенно связанные с переводческой рецепцией. «Людмила», «Светлана», «Ленора» принципиально разнятся, но их единый сюжетный источник очевиден, опознаваем, что называется, невооруженным взглядом. Художественная общность подчеркивается и жанровой спецификой всех трех текстов: балладный нарратив не только обнаруживает себя в динамической структуре сюжета, но и подчиняет себе все поэтические средства [Оксенчук 2023]. Сюжетно-смысловая общность «Кавказского пленника», «Цыган» и «Евгения Онегина» А.С. Пушкина уже не столь очевидна в силу целого ряда причин, которые следует искать в несовпадении жанрово-стилевых контекстов всех трех произведений, в изменении авторского отношения к типу байронического героя, во фрагментации фабульной линии герой/героиня в романтических поэмах и ее эпическом разворачивании и обрастании побочными сюжетными ходами в романе в стихах. Тем не менее единство авторского замысла и его движение от поэмы к поэме и к выходу на реалистическое осмысление «героя времени», данное в энциклопедическом развороте русской жизни, в отечественном пушкиноведении давно замечено и обстоятельно исследовано [Кошелев 2009, с. 7–24; Никишов 2013, с. 29–37].

В центре внимания настоящей статьи находятся разножанровые есенинские произведения: стихотворение «Песнь о собаке» и рассказ «Бобыль и Дружок», рассматриваемые в качестве двух художественных версий одного авторского замысла. Анализ этих текстов в подобном проблемном аспекте не проводился, что определяет новизну предлагаемого исследования. Отметим, что важным моментом, обуславливающим содержание и принципы изучения названных произведений, является уточнение датировки стихотворения «Песнь о собаке». В есениноведении в этом вопросе единства не наблюдается. Между тем уточнение времени создания лирического произведения имеет принципиальное значение, так как оно актуализирует процесс вызревания замысла «Песни о со-

баке», в контексте которого есенинский рассказ, возможно, приобретает характеристики художественной «реплики» формирующегося сюжета.

Написанный в 1915 и опубликованный в 1917 году рассказ «Бобыль и Дружок» (об истории создания см.: Есенин 1997, с. 387) по своим идейно-эстетическим свойствам соприроден поэтике и мировоззренческим доминантам первой книги Есенина «Радуница» (1916), запечатлевшей народнопоэтическое видение мира и непосредственные «жизненные чувства» крестьянина, с характерным для него своеобразным пантеизмом, который остро чувствовал поэт. Как отмечает С.А. Бубнов, опираясь на статью литературного критика Н.Н. Вентцеля «Поэт “из народа”» (1916), «природа для поэта, по его же словам, является обширным храмом, в котором все может считаться священным, все может возбуждать молитвенный восторг» [Бубнов 2011, с. 155–156]. В этом плане исключительное значение приобретает заглавие есенинской книги, фиксирующее один из важных весенних обрядовых праздников дохристианского происхождения, а затем – Пасхального цикла, во время которого на Руси поминают усопших предков: основателей и хранителей рода. По убедительной мысли новейшего исследователя раннего творчества Есенина, обобщившего опыт толкования значения праздника и семантику слова «радуница» в трудах ученых-этнографов, «радуница – это выражение неотделимости природы от мира человека, нерасторжимости смерти природной и смерти человеческой, и воскресения природы и входящего в него человека» [Скороходов 2014, с. 311]. И, следовательно, есенинская книга «не о страхе гибели, а о вечном круговороте жизни и смерти, осмысленном еще нашими предками и закреплённом в многочисленных обрядах, бережно вплетённых автором в литературную канву» [Коломийцева, Скороходов 2022, с. 45].

Особенности повествования в рассказе «Бобыль и Дружок» определены спецификой есенинской прозы, ритмической, неотделимой от поэтического высказывания, в котором сплелись воедино эпическое и лирическое начала [Воронова 2016]. Кроме того, несмотря на авторское определение «Бобыля и Дружка» как рассказа, жанровый статус этого текста достаточно сложен. В нем контаминированы черты рассказа для детей, что подчеркнуто подзаголовком («Рассказ, посвященный сестре Катюше»), литературной сказки, восходящей к народно-

сказочному началу, элементы народной песни, притчи и весенних календарных обрядов. Вместе с тем современные исследователи склонны полагать, что «Бобыль и Дружок» в наибольшей степени тяготеет к жанровому канону литературной сказки, осложненному фольклорно-сказочной традицией, органично воспринятой Есениным еще в детстве [Логачева 2017; Самоделова 2023; Юзефович 2013].

Фабула рассказа укладывается в несколько предложений. На окраине деревни, в старой, неделями не топленной хате, жил одинокий старик Бобыль со своей собакой Дружком. Кормился он подаянием, которым делился с собакой. Как-то весной старик тяжело заболел. Перед смертью он прижал к сердцу собаку и попросил Дружка ходить на могилу, поминать своего старого друга. Через несколько дней нашли люди умершего старика в его хате. Убрали, обмыли, справили гроб, в церковь отнесли, потом на кладбище похоронили. Никто по нем не заплакал. И только Дружок один остался на его могиле, не ел, тосковал, хозяина пытался откопать. Так и умерла собака на могиле в голоде и тоске по своему хозяину.

В «Бобыле и Дружке» нет традиционного сказочного чуда, проявляющегося, как правило, в развязке сюжета. Тем не менее черты сказочной поэтики здесь присутствуют. Перечислим их. Это формула сказочного зачина, запускающего повествование: «Жил на краю деревни старый Бобыль» [Есенин 1997, с. 157]; трансформация нарицательных имен в собственные (Бобыль, Дружок), что обнаруживает природу сказочной типизации образа, тяготеющей к предельному расширению; приемы одушевления и персонификации природы (финал рассказа); опора в повествовании на глагольные формы при коротком фразовом членении; тенденция к выдвижению глаголов в предложениях в препозицию и удвоение глаголов, что задает наряду с обильными инверсиями специфический сказовый ритм; моральный урок, обязательный для сказки, с ее традиционными дидактическими установками. Кроме того, в «Бобыле и Дружке» дважды встречается авторская атрибуция произведения как «сказки» (в одном случае «грустной», в другом – «чудесной»). Указанное определение видится нам весьма симптоматичным в свете ряда исследовательских рецепций поэтики «Радунцы». Так, Л.В. Занковская обстоятельно показывает, как нарративные стратегии жанра сказки проявляются в содер-

жании программных произведений первой книги Есенина [Занковская 2005, с. 50–51], а Н.А. Казимилова не менее убедительно пишет о приметном месте «поэтической сказки» в «жанровом диапазоне» «Радуницы» [Казимилова 2012, с. 10].

Хронотоп рассказа связан с двумя временами года. Это зима, на фоне которой показаны нерадостные дни побирающегося старика, ждущего в нетопленной хате наступления весны: «Заживем мы, Дружок, с весною» [Есенин 1997, с. 159]. И весна, описание которой начинается со слов: «Заиграло красное солнышко, побежали ручьи-колокольчики. Смотрит Бобыль из окошка, под окном уж земля зачернела. Набухли на деревьях почки, так и пахнут весною. Только годы Бобыля обманули, только слякоть весенняя старика подловила» [Есенин 1997, с. 159]. На весну приходится смерть старика и его верной собаки, печальным и светлым эхом отзывавшаяся во всей природе: «Зашептались на могиле цветочки, нашептали они чудную сказку о дружбе птичкам. Прилетала к могиле кукушка, садилась она на плакучую березу. Сидела кукушка, грустила, жалобно над могилой куковала» [Есенин 1997, с. 160].

Е.А. Самоделова обратила внимание на имплицитную связь «Бобыля и Дружка» с пасхальным хронотопом. Исследователь пишет: «Фраза “Заиграло красное солнышко, побежали ручьи-колокольчики”, поставленная сразу после упоминания весны, имеет завуалированную отсылку к народному поверью о том, что “солнце играет” на Пасху, а в некоторых регионах еще и на другие весенне-летние праздники; Есенин знал об этом с детства» [Самоделова 2023, с. 74]. Подспудно входящий в «грустную сказку» пасхальный мотив с проекцией на послепасхальные недели, на которые приходится смерть старика, его погребение и смерть его собаки Дружка, вносит в повествование элемент чуда – делает «*грустную*» сказку «*чудесной*», в которой участвует весь природный мир: цветы «нашептали чудную сказку о дружбе» небесным посланникам «птичкам», а «плакучая береза» вместе с кукушкой оплакали старика и его верную собаку, размыкая тем самым, согласно ритуальной нагрузке похоронного причитания, границу между живыми и мертвыми, уничтожая смерть как «разрыв» [Адоньева 2004, с. 134; 136]. Через дружбу старика и собаки произошло сближение земного мира с природным, мира живых с миром умерших, что снимает трагическую безысходность финала. И в этом

отношении можно уверенно говорить о пасхальной доминанте рассказа, что объединяет его в плане художественной аксиологии с произведениями «Радуницы» (об особенностях поэтической репрезентации пасхальной доминанты в лирической книге Есенина см. в работе И.А. Есаулова [Есаулов 2012, с. 353–365]).

Есенин в 1922 году в одном из своих автографов датировал «Песнь о собаке» 1915 годом. В.А. Вдовин первым скептически подошел к этой датировке. Он сдвинул время создания стихотворения на конец 1918 – начало 1919 гг., указывая на тот факт, что оно впервые было опубликовано в феврале 1919 года. Кроме того, исследователь сослался на свидетельства современников поэта, утверждавших, что впервые это стихотворение они прочитали или услышали в исполнении автора только после революции [Есенин 1995, с. 557]. Л.Л. Бельская авторскую датировку стихотворения связала с его замыслом, высказав предположение, что «замысел “Песни о собаке” ... возник не позднее 1915-1916 годов, но, наверное, долго вынашивался и не сразу оформился. Поэт тщательно работал над нею, совершенствовал, шлифовал и не торопился отдавать в печать. Следы этой продолжительной работы видны в стилевой “неровности”, «шероховатости», «в синтаксической инерции», а также в особом рифменном строе стихотворения [Бельская 1990, с. 45]. Н.И. Шубникова-Гусева в справочной статье для «Есенинской энциклопедии», посвященной «Песни о собаке», твердо датирует стихотворение 1915 годом, приводя между тем доводы Вдовина и Бельской [Шубникова-Гусева 2018]. В исследовании другого есениноведа поддерживается гипотеза Бельской, отнесшей окончательное сложение поэтического текста к концу 1917 – началу 1918 гг., и в качестве аргумента обращает внимание на структурно и содержательно близкое с «Песнью о собаке» стихотворение «Корова» (1915). При их сопоставлении «Песнь...» «очевидно предстает более зрелым (и соответственно – более поздним) в творческом плане произведением, образцом поэтического мастерства Есенина в художественном представлении образа домашнего животного, лишившегося по воле человека своего потомства» [Пяткин 2018, с. 217].

Полагаем, что в данной связи следует обратить внимание и на этико-художественную близость есенинского стихотворения о собаке

с «Песнью о хлебе», созданной в 1921 году. Справедливости ради укажем, что родство этих стихотворений отмечено в научном эссе ученого-биолога Н.С. Маслоброда, правда, только на уровне жанровой атрибуции заглавий [Маслоброд 2020, с. 24]. А здесь нам видится возможным говорить и об особой поэтической оптике, объединяющей лирические шедевры Есенина. В обоих случаях обыденное, бытовое явление (в «Песни о собаке» человек избавляется от ненужного в его хозяйстве приплода; в «Песни о хлебе» человек убирает созревшую рожь, чтобы затем испечь из нее хлеб) запечатлено в необычном и неожиданном образно-аксиологическом контексте, словно бы иллюстрирующем есенинское представление, отраженное в «Ключах Марии», об «ангелическом образе», «где *струение* являет из лика один или несколько новых ликов [Есенин 1997, с. 205; *курсив автора*]. Напомним, что над теоретическим трудом «Ключи Марии», содержащим «самобытную концепцию образного слова» [Есенин 1997, с. 437], поэт работал в сентябре–ноябре 1918 года.

Гипотезу о поздней датировке окончательного текста «Песни о собаке» отчасти подтверждают и стилистические маркеры стихотворения, характерные для поэтики «необиблейского эпоса» Есенина – одиннадцати маленьких поэм, написанных в 1917–1919 годах. В этот период, по авторитетному суждению О.Е. Вороновой, в поэзии Есенина «христианские мотивы и реминисценции органично накладываются на многокорневую мифопоэтическую систему, восходящую к истокам русской духовной культуры» [Воронова 2002, с. 270–271].

«Песнь о собаке» буквально пронизана евангельскими реминисценциями и аллюзиями, конституирующими религиозно-мистический контекст стихотворения. В данном отношении симптоматично использование поэтом в своем стихотворении цифры семь, нагруженной сакральными смыслами. О такой «нагрузке» подробно пишет С.В. Белов, комментируя роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и объясняя частое использование писателем этого числа: «Согласно учению пифагорейцев, <...> число 7 является символом святости, здоровья и разума. Теологи называют число 7 “истинно святым числом”, так как число 7 – это соединение числа 3, символизирующего божественное совершенство <...>, и числа 4, числа мирового порядка; следовательно, само число 7 является символом “союза” Бога с человеком, символом общения между Богом и

его творением. В Библии говорится о том, что в 7-й день, после шести дней творения, Бог почил» [Белов 1984, с. 96]. Сюжет «Песни о собаке», укладывающийся в семь строф, выстроен у поэта на истории рождения и погубления человеком семи щенков, и «не семь ли смертных грехов совершает человек, убивая “рыжих семерых щенят”?» [Пяткин 2019, с. 219].

С. А. Бубнов тему греха связывает с есенинским образом «камень в смех», появляющимся в седьмой строфе:

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег [Есенин 1995, с. 146].

В этом образе исследователь видит евангельскую аллюзию, отсылающую «к 8-й главе Евангелия от Иоанна, где речь идёт о грешнице, которую предлагают забить камнями. Поэт признаёт вину человека в гибели животного и призывает к покаянию, т.е. осознанию своей греховности» [Бубнов 2022, с. 10].

Примечательны наблюдения В.А. Доманского над цветописью «Песни о собаке»: «Золотой цвет в христианской символике – символ божественности, именно он определяет лирический сюжет стихотворения и появляется даже в финальной сцене. Поэтому горе матери-собаки в финале приобретает смысл мученичества». Мотив «божественного начала и высокого мученичества», по его мнению, воплощен в метафорическом образе «глаз собачьих», уподобленных золотым звездам, скатывающимся с «синей выси» в снег [Доманский 2018, с. 118].

Дополним приведенные наблюдения, отметив иконописность цветовой гаммы есенинского стихотворения, представленной двумя «главными» цветами: золотым и синим, – а также композиционно-смысловую функцию золотого цвета, обрамляющего стихотворение (он присутствует в первой и последней строфах). В первой строфе золотой цвет нагнетается, представая в облике утреннего света, сфокусированного на бытовых, земных образах: *ржаном* закуте, *златящихся* рогожах, только что родившихся *рыжих* щенятах. В последней

строке финальной строфы золотой свет/цвет в буквальном смысле закатывается в ночной снег, лишая мир Божьей Благодати, явленной утром земному миру, миру людей.

Обратим также внимание на хронотопические особенности текста, поддерживающие в «Песни о собаке», как и в «Бобыле и Дружке», ключевые мотивы, определяющие духовное содержание произведений. Если в рассказе, о чем мы говорили выше, ценностным средоточием в структуре повествования выступает пасхальный мотив, то хронотоп стихотворения связан с образно-мотивными доминантами, характерными для рождественского сюжета, эксплицированного в произведениях, созданных в основном после выхода в свет книги «Радунница». Это становится вполне очевидным при соотнесении «Песни...» с лирическими текстами поэта «То не тучи бродят за овином...» (1916) и «О Матерь Божья...» (1917), в которых Рождество Спасителя является заглавной темой. Зачины (в большей степени) всех стихотворений отличают общая цветовая гамма с доминирующим золотым цветом («*златятся рогожи*»; «*колоб золоченый*»; «*как масло, власа луны*»), жизнеутверждающая атмосфера, репрезентируемая мелиоративными лексемами, входящими в одно семантическое поле («до вечера она их *ласкала*»; «*заигрался в радости* младенец»; «*окинь улыбкой*»), сакральной семантикой пространства, маркированной схожими между собой атрибутами крестьянского быта («*ржаном закуте*»; «*ясли*»; «*мужичьи ясли*»). Кроме того, рождественский сюжет в «Песни о собаке» репрезентирован календарным – *зимним* – временем. Наконец, образы золотых звезд-«глаз собачьих» и «месяца тонкого» «над хатой», показавшегося собаке «одним из ее щенков», отсылают читателя к символике Вифлеемской звезды (Звезды волхвов, Рождественской Звезды), остановившейся над тем домом, где находилась Богоматерь с Младенцем, чтобы волхвы могли найти их и принести Ему дары («И вот, звезда, восход которой они видели, шла перед ними, доколе не пришла и не стала над местом, где был Младенец» (Мф. 2: 9)). Только в стихотворении Есенина из-за жестокости человека Божественному Свету не суждено воссиять над домом. «Золотые звезды» закатываются в ночной снег, а тонкий месяц скрывается «за холм в полях», погружая земной мир во тьму. Библейские коннотации содержатся и в названии стихотворения «Песнь о со-

баке». Высокая, «старинная» огласовка слова песня/песнь, как нам думается, служит отсылкой к библейским песням и к христианской псалмодической практике. В Православной Энциклопедии библейские песни определяются как «песни Священного писания, пророческие песни, несколько вошедших в богослужебную практику поэтических текстов из Ветхого Завета <...>, из Евангелий, а также апокрифического и раннехристианского происхождения. Библейские песни используются наравне с псалмами, а их набор рассматривается как дополнение к Псалтири» [ПЭ].

Сопоставление рассказа «Бобыль и Дружок» и стихотворения «Песнь о собаке» обнаруживает типологические схождения произведений в персонажной, мотивной и сюжетной сферах, что дает основание говорить об исходной общности их творческого замысла, относящегося к 1915 году. В обоих текстах идет речь о взаимоотношениях собаки и человека, которые являются главными персонажами. И рассказ, и стихотворение имплицитно связаны с главными христианскими праздниками – Пасхой, Радуницей и Рождеством, образующими концептуальный фон этих текстов. Смысловые переклички произведений носят антитетичный характер: угрюмому, грустному Бобылю, «с нежной ласкою» относящемуся к Дружку, противопоставлен «хмурый хозяин», утопивший щенят собаки. И в рассказе, и в стихотворении Есенин делает акцент на глазах собаки, на ее взгляде, который человек способен («глаза твои серые, умные... знаю, знаю... ты все понимаешь...» [Есенин 1997, с. 159]) или не способен понять («И глухо... Покатались глаза собачьи...» [Есенин 1995, с. 146]). Житейской, обыденной жестокости человека, хозяина собаки, у которой нет имени, противопоставлена безмерная любовь нищего, голодного Бобыля к своей «собачке» «с ласковой кличкой Дружок». Отношение к собакам, «братьям нашим меньшим», является для Есенина проверкой человека на истинность, на соответствие его души ее априорной космической сущности, одним из высших проявлений «узловой завязи природы с сущностью человека» [Есенин 1997, с. 202]. В «Бобыле и Дружке» идейно-художественное выражение этой «завязи» является органичным для мирозерцания Есенина периода «Радуницы». В «Песни о собаке» поэтическое видение этой «завязи» выступает своего рода предтечей авторских интенций, воплощенных в «необиблейском

эпосе». Потому у Есенина бытовая история о собаке, у которой человек утопил щенков, по выражению одного из современников поэта, «звучит как Requiem» [Есенин 1995, с. 559], а рассказ о нищем, одином старике и его верном Дружке превращается в «чудную сказку», которую цветочки рассказывают птичкам.

Источники

Есенин 1995 – Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1995.

Есенин 1997 – Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 5. Проза. М., 1997.

ПЭ – Православная Энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/text/149135.html> (дата обращения: 12.05.2025).

Литература

Адоньева 2004 – Адоньева С.Б. Причитание: ритуальный текст и посвятельная процедура // Русский фольклор: материалы и исследования. Т. 32. СПб., 2004. С. 130–145.

Белов 1984 – Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарии. М., 1984.

Бельская 1990 – Бельская Л.Л. Песенное слово: поэтическое мастерство С. Есенина: книга для учителя. М., 1990.

Бубнов 2011 – Бубнов С.А. Художественные особенности книги стихов С. А. Есенина «Радуница» в оценках современников поэта // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. С. 153–157.

Бубнов 2022 – Бубнов С.А. Образ собаки в рассказе «Друг» Л. Н. Андреева и в стихотворении «Песнь о собаке» С. А. Есенина // Орловский текст российской словесности: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, Всероссийской научной конференции и Внутривузовской конференции. Вып. 14. Орел, 2022. С. 15–20.

Воронова 2016 – Воронова О.Е. Художественная проза Сергея Есенина // Русская словесность. 2016. № 4. С. 55–66.

Воронова 2020 – Воронова О.Е. Сергей Есенин и русская духовная культура. Рязань, 2020.

Доманский 2018 – Доманский В.А. Сергей Александрович Есенин «Песнь о собаке» // В мире русской поэзии: Учебное пособие по обучению анализу русского поэтического текста. Часть 2. СПб., 2018. С. 112–121.

Занковская 2005 – Занковская Л.В. «Большое видится на расстоянии...»: С. Есенин, В. Маяковский и Б. Пастернак. М., 2005.

Казиминова 2012 – Казиминова Н.А. Книга «Радуница» в контексте творчества С. А. Есенина 1916–1925 годов: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Есаулов 2012 – Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб., 2012.

Коломийцева, Скороходов 2022 – Коломийцева Е.Ю., Скороходов М.В. Книга «Радуница» Сергея Есенина: обрядовая символика // Вестник МГУКИ. 2022. № 5(109). С. 40–46.

Кошелев 2009 – Кошелев В.А. «“Онегина” воздушная громада...». 2-е изд., перераб. и дополн. Б. Болдино-Арзамас, 2009.

Логачева 2017 – Логачева Е.В. Фольклорные традиции и «сказочный» синтаксис рассказа С. А. Есенина «Бобыль и Дружок» // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2017. № 4. С. 26–33.

Маслоброд 2020 – Маслоброд С.Н. Эзотерический подтекст стихотворения С.А. Есенина «Песнь о хлебе» // Современное есениноведение. 2020. № 4(55). С. 21–29.

Никишов 2013 – Никишов Ю.М. Даль свободного романа: Творческая история «Евгения Онегина». Тверь, 2013.

Оксенчук 2023 – Оксенчук В.Н. Типологические схождения в произведениях немецких и русских романтиков (На примере баллады Г.А. Бюргера «Ленора» и баллад В.А. Жуковского «Людмила» и «Светлана») // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 38–44.

Пяткин 2019 – Пяткин С.Н. «...Моей юности друг»: образ собаки в лирике С.А. Есенина // Научный диалог. 2019. № 11. С. 215–226.

Самоделова 2023 – Самоделова Е.А. «Бобыль и Дружок» С. А. Есенина: к полемике о жанровом статусе и фольклорных истоках поэтики текста // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 70–79.

Скороходов 2014 – Скороходов М. В. Сергей Есенин: истоки творчества: (вопросы научной биографии). М., 2014.

Шубникова-Гусева 2018 – Шубникова-Гусева Н.И. Стихотворение С.А. Есенина «Песнь о собаке» (Справочная статья для «Есенинской энциклопедии» // Современное есениноведение. 2018. № 2(45). С. 25–29.

Юзефович 2013 – Юзефович (Радионова) Л.М. «Бобыль и Дружок» С. Есенина – «грустная сказка» о жизни и «чудная сказка» о дружбе: план-конспект урока по лит. (7 класс) по теме // Образовательная социальная сеть [Электронный ресурс]. URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2013/05/01/stsenariy-uroka-issledovaniya-iz-serii-uroki-dobroty-bobyl-i> (дата обращения: 12.05.2025).

**"BOBYL AND DRUZHOK" AND "SONG OF THE DOG"
BY SERGEI YESENIN: TWO ARTISTIC VERSIONS
OF ONE AUTHOR'S IDEA**

A.S. Zagnetin, S.N. Pyatkin

Arzamas branch of N. I. Lobachevsky National Research
Nizhny Novgorod State University

The focus of this article is on the multi-genre works of S.A. Yesenin – the poem "Song of the Dog" and the story "BobyL and Druzhok" – considered as two artistic versions of one author's idea. This formulation of the problem determines the scientific novelty of the proposed study. It is shown that this idea was first implemented in a prose text, organic in its ideological and aesthetic solution (folklore and fairy tale tradition, Easter chronotope) to the worldview of the poet's first book "Radunitsa" (1916). The content of the "Song of the Dog", permeated with evangelical reminiscences and allusions, constitutes the religious and mystical context of the poem, which will become a recognizable feature of the poetics of Yesenin's "neo-Biblical" epic – eleven short poems written in 1917–1919. It is emphasized that the chronotope of the lyrical text is associated with figurative and motive dominants, characteristic of the Christmas plot, explicated in the works that were mainly created by the poet after the publication of the book "Radunitsa". It is argued that the typological convergence of the texts of the poem and the story in the character, motive and plot spheres testify to the initial community of their creative concept, dating back to 1915, when "BobyL and Druzhok" was written. "The Song of the Dog", conceived at the same time, was completed by Yesenin no earlier than 1917.

Keywords: "Song of the Dog", "BobyL and Druzhok", "Radunitsa", "The Song of Bread", Easter chronotope, Christmas plot, fairy tale genre, attribution.